

*Кто в армии служил,
тот в цирке не смеётся.*
Русская народная мудрость

Инспекторская проверка — знаменательное событие в жизни воинского коллектива. Раз в пять лет в каждую воинскую часть приезжает строгая, но справедливая комиссия и выворачивает эту самую часть, что называется, наизнанку. Проверяется буквально всё. Даже то, о чем командование воинской части вспоминает уже в ходе проверки. Соответственно и подготовка к инспектированию начинается, как и положено — заблаговременно: составляются планы, назначаются исполнители, ответственные и контролирующие должностные лица. Все было бы чудесно, но армия — это неотъемлемая составляющая нашего российского общества. Плановое мероприятие по мере сокращения срока до начала проверки переходит в разряд “внезапных” со всеми вытекающими последствиями. И поэтому подготовка к инспектированию заканчивается, а точнее — обрывается с приходом комиссии.

Последствия инспекторских проверок, как правило, одинаковы: либо отцы-командиры становятся “молодцами” и включаются в резерв на выдвижение, либо делаются оргвыводы, и они числятся кандидатами для затыкания кадровой прорехи в какой-нибудь географической дыре.

На этот раз командир дивизии решил не пускать дело на самотёк, а лично посетить, по устному докладу готовый к инспекции, полк накануне приезда комиссии. Черная “Волга” миновала ворота КПП* и застыла возле шеренги командования полка. Из машины вышли генерал и сопровождающий его офицер.

— Ну, что, готовы к инспекции? — старший командир пожал каждому руку.

— Так точно, — заверил за всех командир полка.

— Ну, тогда показывай, что вы тут наготовили.

В первую очередь процессия направилась в расположенное неподалеку караульное помещение. Начальник караула бодро доложил высокому гостю, что “в отсутствие него не случилось ничего”. В караулке все было чин по чину: в пирамиде поблескивало вычищенное оружие, на пульте тревожной сигнализации светились лампочки, бодрствующая смена сидела и читала книги.

— Как служится, бойцы? Хорошо? — уточнил генерал.

— Так точно, — дружно ответили вскочившие солдаты.

— Как кормят в карауле? Неплохо?

— Так точно, — прозвучал уставной ответ.

— Выходит, неплохо, — сделал вывод комдив.

— Выходит неплохо, а входит не очень, — чуть слышно пробормотал старослужащий.

Но генерал уже заинтересовался наименованиями книг, которые минуту назад листали караульные. “Квантовая механика”, “Терапия внутриполостных инфекций”, “Философская парадигма Древнего Китая” значилось на корешках книг.

— Откуда здесь эти книги? — недоуменно взглянул он на офицеров.

— Шефская помощь университета, — доложил заместитель командира полка по воспитательной работе.

— Вы бы ещё книг на арабском языке набрали. Попроще шефов не могли найти? — И, уже обращаясь к солдату: — Сынок, ты хоть чего-нибудь понял в этой книжке?

— Так точно, — незамедлительно прозвучал ответ.

— Ну, тогда расскажи, о чём ты прочёл.

— Исходя из принципа относительности времени и пространства, можно гипотетически предположить...

Генерал ошалело смотрел на бойца, строчившего научными понятиями, как из пулемёта:

— И ты можешь всю книгу пересказать?

— Никак нет, — тянулся в струнку солдат. — Мне товарищ ефрейтор в этом месяце поручил выучить наизусть только первых десять страниц.

Генерал нахмурился и повернулся к притихшим офицерам.

— Начальник штаба, тебе что — ЧП** в карауле не хватает? Как солдат на посту будет службу нести, если у него в голове время и пространство не совпадают? Да из-за таких книг разрыв мозга получить можно или грыжу мозжечка. Немедленно изъять эти книги. Пусть их вон замполиты, нарушителям воинской дисциплины читают в наказание. А в карауле солдат должен читать только устав. Днём и ночью. Зимой и летом. Всем понятно?

— Так точно, — дружно гаркнули солдаты.

Генерал отворил дверь с табличкой “Медицинский пункт полка” и шагнул внутрь. Пропахшее лекарствами помещение, как и полагается медицинскому учреждению, было светлым и чистым. Возле процедурной на лавочке сидели трое больных в подшитых белыми воротничками больничных пижамах. Проверяющий огляделся и, удовлетворительно хмыкнув, потянулся к ручке входной двери. Но его растопыренная ладонь застыла в воздухе. Медленно, словно боясь что-то вспугнуть, он повернулся к ожидающим приёма солдатам. Так и есть. Не причудилось. На ногах у солдат плюшевые тапки с объёмными мордами животных: заяц, собака и поросёнок.

* КПП — контрольно-пропускной пункт.

** ЧП — чрезвычайное происшествие.

— Это что? — генеральский перст указал на ноги застывших солдат. — Где начмед?

— Начмед, — громогласно разнёсся многоголосый крик офицеров полка.

Из-за ближайшей двери высунулась ушастая голова.

— Боец, где начальник? — тон заданного генералом вопроса не предвещал ничего хорошего.

— Я начальник, — вслед за головой в коридоре материализовалось тщедушное тело в белом халате.

— Так если ты начальник, то представляйся, как положено.

Начмед, печатая шаг, подошёл вплотную к генералу:

— Товарищ генерал! Начальник медицинской службы...

— Доктор! — оборвал его старший начальник. — Ты откуда такой взялся?

— Два месяца назад закончил медицинский институт и распределён в нашу... в вашу... в войсковую часть.

— Два месяца. Тогда понятно, — генерал обречённо махнул рукой. — Запомни раз и навсегда. Для доклада начальнику останавливаются за три шага до него, а не губы в губы, глаза в глаза. Если я тебя облобызать захочу, то сам подойду. Два шага назад шагом — МАРШ.

Хозяин лазарета сделал два шага назад, но его военные туфли остались на месте. Хорошие такие чёрные уставные туфли с обрезанными задниками. Вроде бы военная обувь и в то же время шлёпки. Ну, это смотря с какой точки зрения смотреть.

— Это что? — генерал уставился на пару обуви.

— Туфли, товарищ генерал, — чётко отпартовал начмед.

— Я вижу, что не валенки, — повысил голос комдив. — Почему в таком виде?

— Для того чтобы в покое ноги отдохали. С медицинской точки зрения...

— Какая на фиг медицинская точка зрения, — не выдержал старший начальник. — Сынок, ты же в армии. А здесь всё делается по приказу. Дадут приказ обувь резать, значит, выйдет весь полк на плац и будет государственное имущество кромсать. Скажет тебе начальник калсоны шириной на задку носить, так и будешь ходить. Ты понял?

— Понял, — медик топтался на месте босыми ногами.

— Ладно. С этим разобрались. Если по поводу тебя существует медицинская, то объясни, здесь какая точка зрения? — он указал на обувь лечащихся солдат.

— Заместитель командира по воспитательной работе на совещании сказал создать для больных приближенные к домашним условия. Вот я и подумал...

— Каким местом ты подумал? Это же солдаты. А ты здесь пионерский лагерь устроил. А как им завтра после этого в бой идти?

Начмед и бойцы стояли, одинаково понуриив стриженные головы.

— Зайка, на укольчик, — раздался женский голос из процедурной.

Солдат в тапочках с заячьей мордой было дёрнулся к двери, но, передумав, остался на месте. Генерал, прикрыв глаза, тихо застонал.

— Нет, у тебя здесь не пионерский лагерь. У тебя — детский сад, — и уже обращаясь к солдату. — Как звать тебя, боец?

— Зайка, — пролепетал болящий, зардевшись от внимания столь высокой особы.

Комдив зарычал и, сжав кулаки, повернулся к отшатнувшимся от него офицерам полка. Переполюнявшие эмоции не позволяли ему выразиться членораздельно. Далее должны были начаться жертвы, разрушения и другие последствия необузданной стихии. На лице замполита воинской части мелькнула вспышка озарения, и, вспомнив комиссарский долг своих предшественников — принимать огонь на себя, он шагнул вперёд из общего строя.

— Товарищ солдат, представьтесь по полной форме, — обратился он к военнотружущему.

— Стрелок второго взвода первой роты рядовой Зайка Иван Михайлович, — оттарабанил солдат без запинки.

Командир полка и его замы облегчённо выдохнули. Генерал постепенно приходил в себя, но возможность внятно выразиться запаздывала.

— Командир... этот... цирк... нах... — и поняв, что озвучить мысль не получится, он жестом что-то разорвал в клочья и, махнув рукой, вышел из помещения.

Казарма встретила гостей чистотой и молодецкатым докладом дежурного по роте. Взгляд военного человека радовали параллельность и перпендикулярность размещения мебели и иного имущества. На каждой вещи присутствовали таблички строго определённой формы, размера и цвета. Пост дневального укомплектован в соответствии со строгими требованиями: уставами, которые дневальному нельзя читать на посту; керосиновой лампой, запасной фитиль для которой можно найти только в краеведческом музее; флажками, подаваемые которыми сигналы в полку не знал никто. На подоконниках размещалось по два цветка в однообразных горшках (ни в коем случае не больше, иначе вся боеготовность подразделения рушилась напроць). К сожалению, комнатные растения не были однообразны, как и солдаты подразделения не являлись близнецами, но это допускалось в виде исключения. Плакаты со служебной документацией и наглядной агитацией размещаются на строго установленном от пола расстоянии. А то, что текст верхних документов можно прочитать только в бинокль, в армии не являлось проблемой. Никто же не запрещает солдату в личное время пройтись с табуреткой по казарме и почитать, о чём наверху мелким шрифтом написано.

Успокоенный общим благолепием, командир дивизии завершал обход казармы.

— Командир, — обратился он к командиру полка. — Хотя что-то хорошее наконец-то я смог увидеть.

Он остановился возле крайней кровати.

— Молодец ротный. И старшина молодец. Сразу видно, что готовились. Ну, что, старшина, готовились?

Не глядя, комдив открыл тумбочку и выдвинул ящик для туалетных принадлежностей. Каждый убелённый сединами военачальник начинал военную службу юным лейтенантом, и с тех давних пор навыки проверки внутреннего порядка намертво впечатаны в его подсознание.

— Так точно, готовились, — старшина светился от похвалы. — Днём и ночью готовились.

Генерал потянул крышку мыльницы, чтобы проверить её содержимое. Крышка не сдвинулась с места. Тогда он приложил ещё большее усилие и... ящик со всем содержимым повис в воздухе.

— Молодцы, что готовились, — задумчиво произнёс проверяющий и, уже озарённый догадкой, добавил: — И что же это вы тут приготовили?

Более тщательное исследование прояснило, что все туалетные принадлежности намертво приклеены эпоксидной смолой к выдвижному ящику.

— И как вы это объясните?

Выдвижной ящик возник в непосредственной близости от старшинского носа.

— Товарищ генерал, иначе нельзя. Солдаты — свиньи, моются и моются, целый день плещутся. Во время проверки всё смылят враз. А так всё на месте, чинно и благородно.

— Так что, они у вас не будут умываться из-за инспекции?

— Никак нет, — отчеканил старшина и, чтобы не получилось двусмысленности, добавил: — Так точно.

Генерал, ничего не поняв из философского ответа старшины, решил лично разобраться во всём. В районе умывальника была отловлена жертва для ненаучного эксперимента. После команды старшины: “К утреннему умыванию приступить”, — солдатик ринулся к раковине. Из нагрудного кармана появилась зубная щётка в критической стадии облысения, из кармана штанов извлечён был завернутый в обрывок газеты обмылок хозяйственного мыла. Подопытный обильно намылил уши и стал возюкать щёткой по зубам. В процессе умывания выяснилось, что для чистки зубов на взвод была выдана банка с зубным порошком, который уже закончился. Утренняя гигиени-

чекская процедура завершилась вытиранием солдатского лица подолом майки. В ходе недолгого разбирательства по поводу использования элемента одежды не по назначению выяснилось, что все полотенца кольцами пришиты к спинкам кроватей “во избежание хищения, утери, падения” и прочих паранормальных явлений.

Итогом так хорошо начавшейся проверки внутреннего порядка в казарме стало устранение офицерами и старшиной роты недостатков работы по недопущению недостатков.

К полудню проверочные страсти накалились, и командир полка, дабы остудить эмоции, под видом проверки столовой решил гостя накормить. Любимое начальство повели в “греческий зал” — помещение для приема пищи VIP-гостями и проведения застольных мероприятий, где разносолы уже приятно радовали глаз обилием и разнообразием. Но своенравный генерал нарушил сценарий и, изъявив желание снять пробу из солдатского котла, направился к главному входу в столовую.

В это время прапорщик — начальник столовой, — проклиная себя за вчерашнюю лень и комдива за несвоевременность приезда, перетаскивал из “греческого зала”, который обычно служил ему личным кабинетом, хранилищем для припасов и местом для послеобеденной дремы, коробки с тушёной в зал для приёма пищи личным составом, дабы не попасть под надзирающее око. Куручка — по зёрнышку, прапорщик — по баночке... Вот и накопилось два ящика, которые давно надо было переправить в домашние закрома.

Двери основного входа в столовую были покрашены вчера вечером. Они радовали глаз глянцевым блеском и раздражали нос резким запахом. Окрасили их добросовестные солдатики. Сказали покрасить двери — они и покрасили. И полотно двери, и петли, и ручки. Сказали в два слоя — покрасили в два слоя. А то, что дешёвая краска три дня сохнет, то это проблема тех, кто краску покупал, и тех, кто за эти ручки будет браться.

“Засаду” с крашеными ручками первым просёк заместитель командира по тылу. Как-никак, столовая — это его вотчина. Ещё пара секунд — и генерал с испачканной масляной краской рукой будет громогласно чехвостить “достоинства” возглавляемой им службы с последующими выводами. Надо принимать меры.

— Товарищ генерал! — крикнул он в широкую спину.

— Ну, что ещё? — генерал остановился на ступеньках столовой и обернулся.

— Разрешите доложить? В обеденном зале общее количество посадочных мест...

— Какое мне дело до твоих посадочных мест? — настроение комдива было испорчено, и он, хмурясь, протянул руку к двери.

— Товарищ генерал! — отчаянный вскрик заставил всех вздрогнуть. — За истекший квартал экономия хлеба составила 27%.

— И что теперь, подполковник? Мне тебя перед строем расцеловать за это?

Зампотыл наконец-то протиснулся к двери и, ощущая противную скользкость ручки, распахнул входную дверь. В дверном проёме возникла фигура начальника столовой, сжимающая в объятиях коробки с тушёной. Он был уверен, что всё начальство направилось в “греческий зал”, и нёс перепрыгивать своё, как он считало, добро. Не выпуская драгоценного груза, обалдевший от неожиданной встречи прапорщик на автомате отрапортовал об отсутствии происшествий. Встреча с генералом омрачила его. Но ещё больше он расстроился, увидев замыкающего процессию зампотыла с зелёной растопыренной пятернёй. Он даже интуитивно догадался, об кого начальник хозбоза жаждет вытереть испачканную руку.

— Куда идём? Чего несём? — поинтересовался генерал.

— Идём в варочный цех. Несём дополнительные продукты, — симпривизировал прапорщик.

— А что, у вас кашу на улице варят? — что-то заподозрил комдив.

— Никак нет. Решил в первую очередь вас встретить.

— Это что же, вы по полдня с охапкой продуктов ходите?

— Приходится ходить, товарищ генерал. Иначе солдаты всё спи... спрут... тьфу ты, сопрут. Они же вечно голодные.

— Так вы что, их плохо кормите, раз они голодные?

— Да нет, ну, что вы. Вот даже дополнительно продукты в котёл закладываем.

Пока офицеры во главе с генералом проверяли санитарию в варочном цеху, начальник столовой со слезами на глазах смотрел, как солдаты вскрывали банки и засыпали в котёл с кашей тушёнку. В общий котёл его, ставшую почти личной, тушёнку.

Ну вот, вроде чистота проверена, и все уселись за стол провести пробу солдатской пищи, а заодно и пообедать. Первая тарелка, естественно, гостю, тем более, что он отец родной для всей дивизии. Поэтому супа налили щедро, аж по бортик. И солдатик нёс тарелку аккуратно, аж язык высунул. Чтoб не расплескать ни капли, он крепко держал тарелку, опустив большие пальцы с траурными каёмками грязи под ногтями в её содержимое.

— Сынок, ты пальцы то в супе не обжжёшь? — заботливо спросил генерал.

— Не-а. Я привычный уже, — засмутился солдатик и вытер испачканные супом пальцы о засаленные на заднице штаны.

— Ну, тогда тарелочку эту зампотылу своему отдай, кормильцу нашему. Приятного аппетита, товарищ подполковник. А нам каши принеси, да подносик какой-нибудь найди. Руки на службе обожжёшь, а мамка дома из-за этого расстроится.

Шмыгнув носом, солдатик убежал, и в варочном цеху послышались шлепки, сопровождаемые приглушёнными стонами. Остальные тарелки приносил уже лично начальник столовой на покрытом белоснежной салфеткой подносе. Все принялись за кашу, а зампотылу уныло хлебал суп, держа ложку зелёными пальцами. Каша сегодня получилась знатная, сытная. Не гречка с волокнами тушёнки, как обычно, а куски тушёнки с крупинками гречки.

— Это что, нам всю тушёнку из котла выловили? — удивился генерал.

— В котле каша вся такая, — уныло отозвался начальник столовой из варочного цеха.

— Хороша каша, но чего-то не хватает, — вынес вердикт комдив.

Все вопросительно уставились на генерала. Внимательно лоящий каждое произнесенное в зале слово прапорщик семафорил зампотылу бутылкой коньяка из окна хлебoreзки. Тот сделал свирепую рожу подчинённому, чем обратил на себя внимание проверяющего.

— Что там такое? — генерал обернулся и увидел мило улыбающегося прапорщика.

— Интересуются, не желает ли кто-нибудь добавки? — вывернулся офицер.

— Я говорю, компота у вас не хватает. А добавки ты себе попроси. Пусть солдатик супчика ещё принесёт.

Покончив с трапезой, группа отобедавших пошла на выход. У дверей генерал заинтересовался необычной конструкцией. Из стены, разрисованной тропическими цветами и яркой растительностью, торчали сучки, а кое-где засушенные ветки с листьями. Всё это отгораживалось от остального помещения металлической сеткой.

— Это что за безумства в столовой?

— В целях психологической релаксации... — вперёд выступил замполит, так как это была его идея, — Создан вольер с имитацией тропического леса для экзотических птиц, дабы приём пищи проходил под их пение.

— А где экзотические птицы? — прозвучал резонный вопрос.

— Пока одна канарейка, но скоро будет больше, — обнадёжил главный полковой специалист по морально-психологическому обеспечению. — Даже эта если запоёт — заслушаешься.

В самом верху клетки в углу сидела нахохлившаяся жёлтая птичка и подозрительно смотрела на людей. Комдив довольно хмыкнул и шагнул в дверной проём. Все устремились за ним. Птичка, очевидно, находившаяся на одной эмоциональной волне с начальником столовой, обрадовалась уходу гостей

и перепорхнула на другую ветку. “Чик-чирик”, — громко раздалось в пустом зале. Генерал медленно повернулся к замполиту.

— Говоришь, заслушаешься, когда запоёт? Ну-ну. Скоро специально приеду, чтоб её песни послушать. Или того, кто вместо неё чирикать будет.

Подсобное хозяйство в воинской части — приварок к солдатским казённым харчам. Лишнему куску мяса всегда будет рад и солдатик в карауле, и прапорщик дома. Хотя когда это кусок мяса был лишним?

С первого взгляда было видно, что в свинарнике порядок навели не за страх, а на совесть. Вольеры для животных побелены, дорожки присыпаны песком, да и сами местные обитатели были чистенькие, розовенькие. Вот свиноматка с многочисленным приплодом чинно разлеглась на душистых опилках. Вот хряк аппетитно чавкает в блестящем корытце. Искушённый в парфюмерии нос даже мог уловить витающий здесь одеколонный запах. Любого умилит эта идиллия. И генерал подобрел, отлегло у него от сердца.

— Молодцы! Можете, когда захотите.

— Стараемся, товарищ генерал, — замполит выступил вперёд.

— Молодец подполковник, — комдив протянул руку для поощрительного рукопожатия, но, увидев зелёную ладонь растроганного офицера, неформально похлопал его по плечу. — Вот здесь и другим с тебя пример брать надо. Всё чисто, опрятно, даже таблички на вольерах уставные.

Надев очки и склонившись к надписи, генерал прочитал вслух: “Свиноматка капитан Гольтуба”. Свинья в ответ громко хрюкнула. Комдив изумлённо посмотрел на офицеров и шагнул к соседнему вольеру, где озвучил надпись: “Хряк капитан Бубнов”. Свин хрюкнул и вопросительно обернулся на проверяющего. Дело было в том, что солдаты, особо не заморачиваясь придумыванием кличек, называли животных по указанным на табличках фамилиям, и те со временем свыклись с ними.

— Это что такое? — генерал разводил руками, не находя подходящих слов для выражения эмоций.

— Товарищ генерал! Солдат на всё подсобное хозяйство один, и поэтому для ухода за каждым животным закреплено подразделение, командир которого обозначен на табличке.

— Подполковник, да ты сам понимаешь, что здесь написано? Я тебе поясню смысл, а их тут два. Либо у вас в воинской части хряк Бубнов дослужился до капитанского звания, либо капитан Бубнов — хряк, то есть свинья, а не командир роты. Что ты конкретно имел в виду, когда эти таблички писал? — И тут запас его терпения иссяк. — Убрать немедленно. А то вы и мне какого-нибудь борова в подшефные запишете.

Генерал попытался оторвать табличку, но та была прибита на совесть.

— Молоток сюда немедленно.

— Солдат, молоток сюда. Быстро, — гаркнул замполит.

Через пару мгновений замполит проклял всё и вся. Уж лучше бы он сам раз пять... нет десять... да хоть двадцать раз сбегал бы за треклятым молотком. Солдат — рабочий подсобного хозяйства — по командирскому зову появился моментально. Да лучше бы он пять минут шёл... нет — лучше бы проигнорировал команду... да хоть в самоволку ушёл, и то это был бы лучший его поступок, чем добросовестная исполнительность.

Обернувшись, генерал выпучил глаза и изумлённо открыл рот. Вы когда-нибудь видели неандертальца? Хотя нет, они же в шкурах ходили. Ну, тогда африканского туземца? Хотя они голые ходят. Может, тогда советского беспризорника, доехавшего в угольном ящике от Бреста до Хабаровска? Хотя уголь так не воняет. Короче, представьте себе африканского неандертальца, проехавшего через всю страну в ящике с навозом. Представили? Так вот, именно такое существо сейчас протягивало генералу молоток. А что вы хотите от солдата, если ему поставили задачу, чтобы все на хоздворе блестело, сияло и благоухало? Тут уж, извините, добросовестному бойцу не до себя.

— Это кто? — дрожащий палец указывал на чумазую фигуру с патлатой шевелюрой в камуфлированных лохмотьях и казарменных тапочках. Причём отличить по цвету, где были ремешки тапочек, а где — кожа ноги, уже не представлялось возможным.

— Рядовой Молодцов! — представился солдат, приняв строевую стойку.

— Командир полка, — тихо промолвил генерал, держась за сердце. — Я тебя очень прошу. Не как командир, а как отец. Сделай, пожалуйста, так, чтобы твой подчинённый рядовой Молодцов выглядел, как твои свиньи. Я тебя очень прошу.

В автопарке в стройном ряду застыла подготовленная к осмотру полковая автотехника. На правом фланге блестели наполированными кузовами числящиеся по предназначению командно-штабными, а по повседневному использованию — для персонального развоза командования полка машины. Далее возвышались строевые машины — “газоны” и ЗИЛы, со свежеекрашенными белоснежными ободами и начернёнными гуталином шинами. В завершении строя стояли санитарка, хлебозовка, грузовик с цистерной — АРС* — и химическая машина — ДДА**.

Генерал с офицерами командования расположились перед фронтом строя техники, а в это время с тыльной части продолжала кипеть бурная деятельность наряда по парку. На задние борта грузовых машин прикреплялись только что нарисованные таблички “Люди”, обводились по трафарету цифры 60.

— Это вся техника? — сурово вопрошал комдив.

— Так точно, — шагнул вперед заместитель командира по технической части.

— Какой коэффициент технической готовности?

— 99 процентов, — отчеканил главный полковой технарь.

— Это как же? — удивился генерал. — У вас всего двадцать машин и если одна не готова, то коэффициент должен быть 95%. Откуда 99?

— У нас все готовы, — доложил подполковник и почему-то покраснел. А потом добавил: — “Уазик” РХБЗ*** на консервации и если его выгонять, то мало ли чего. Вот я один процент и скинул на всякий случай.

— Выгоняй свой “всякий случай”. Поглядим, мало там чего или много.

— Дежурный, выгоняй РХБЗ, — отдал команду поблудневший зампотех.

За спиной генерала дежурный по парку стал разводить руками и делать удивлённые глаза: “Как же я его выгону, если он... Вы же сами знаете, что... Может, всё-таки можно как-то объяснить...” Подполковник не мог вступать в дискуссии под носом у генерала, и ему пришлось мимикой убеждать прапорщика в необходимости выполнения распоряжения.

— Я надеюсь, инструментами и огнетушителями укомплектованы все автомобили? — генерал не собирался давать послаблений.

— Все, товарищ генерал, — на бледном лице зампотеха ярко запунцовели щёки.

— Ну, и чудненько. Сейчас проверим.

Генерал шагнул к первой машине. В это время дежурный по парку впросительно смотрел на своего начальника. При этом он энергично махал головой, пожимал плечами и жалобно приседал. Если кто-то когда-то хотя бы листал книгу Алана Пиза “Язык телодвижений”, то без труда мог понять смысл его сигналов: “Инструменты я не могу родить, огнетушитель вместе с зажигалкой в кармане не ношу!” и “Лучше сразу застрелите меня, ибо магии и волшебству не обучен...” В эмоциональном бессловесном диалоге офицер всё же убедил подчинённого, и прапорщик убежал в глубины автопарка.

Внешний осмотр техники показал, что не всё так плохо, как ожидалось. Автомобили были старенькие, но ухоженные. Заботливые солдатские руки неоднократно продлевали ресурс живучести технических узлов и агрегатов. Всё железное было отполировано, деревянное — покрашено, а резиновое — навакшено. Дойдя до последних автомобилей, комдив даже подобрел, ибо его подспудные опасения не сбылись.

— Молодец, подполковник, — похвалил он зампотеха. — Можете, когда захотите.

* АРС — автомобильная разливочная станция.

** ДДА — дезинфекционно-душевой автомобиль.

*** РХБЗ — радиационная, химическая, биологическая защита.

— Рады стараться, товарищ генерал, — офицер козырнул, не веря собственным ушам.

— Так, а где ваш “всякий случай”?

Довольная улыбка угадала на лице офицера. Он молча указал на “уазик”, скромно притулившийся позади строя машин в начале автопарка. Генерал кивнул головой и двинулся к выходу, попутно отдавая распоряжения и рекомендации по обустройству территории. Дойдя до въездных ворот, он открыл рот, собираясь высказать итоговое одобрение технической службе, но внезапная мысль морщиной перерезала его лоб.

— А где “уазик”? Он же тут был.

“Уазик” так же скромно стоял позади строя, но уже в конце парка. Генерал насторожился и тихо отдал команду: “Всем стоять на месте. Машину подогнать ко мне, вот сюда, прямо сейчас”. После оживлённой жестикуляции зампотеха автомобиль двинулся в направлении группы офицеров. Машина плавно катила, но ничто не нарушало гнетущей тишины. Этакий “Летучий голландец” в стиле милитари. Когда автомобиль подъехал поближе, то стало слышно натужное сопение. Всё-таки по мощности лошадиная сила будет поболее, чем солдатская. Даже чем три добросовестные солдатские силы, катающие гроб на колёсах туда и обратно. Заскрипев тормозами, автомобиль остановился в двух метрах от фигуры с шитыми звёздами. Из-за руля вылез дежурный прапорщик и выполнил воинское приветствие.

— Кто-нибудь может мне объяснить, что здесь происходит? — взгляд старшего командира обводил лица офицеров.

— Наверное, бензина нет, — выдвинул версию замполит.

— Допустим, — голос генерала был тихим и спокойным, и от этого все присутствующие ещё больше напряглись. — Бензина нет, а огнетушитель есть?

— Так точно, — прапорщик открыл заднюю дверцу. В салоне лежал 50-литровый огнетушитель на колёсиках. Судя по габаритам, он мог очутиться внутри только до сварки кузова на автозаводе.

— Хорошо, допустим огнетушитель есть. А инструмент присутствует?

Прапорщик торжественно извлёк из салона хромированный чемоданчик и открыл его. На поролоновых подкладках в индивидуальных ячейках лежали различные ключи, отвёртки, пассатижи, трещотки, щупы и ещё масса всякой всячины. Всё это сияло никелированным блеском. Каждый инструмент украшала трёхлучевая звезда, свидетельствующая о пожизненной гарантии качества. Час назад этот чемоданчик лежал в багажнике зампотеховского “мерседеса”, который сейчас прятался в запертой на замок мойке.

— И инструменты есть, — голос генерала становился все добрей и добрей. — А теперь посмотрим на двигатель, для которого у вас есть такие замечательные инструменты.

Прапорщик тяжело вздохнул, хлопнул себя по ляжкам, что по пизовскому трактованию обозначало: “Я вас предупреждал, но котёнку пришел...” — и открыл капот. Генерал обессиленно оперся спиной о задний борт грузовика. Под капотом было непривычно просторно, ибо двигатель отсутствовал. А что вы хотели, если один “уазик” без дела годами простаивает, а его активных собратьев чем-то ремонтировать надо?

Шаркающей походкой командир дивизии вышел из автопарка на плац. На его спине четко просматривалась загадочная надпись “идюЛ” и чуть ниже цифры ноль и зеркально написанная шестёрка. Сзади беззвучно следовало командование полка и дивизионный штабист. Генерал поднял голову и, озираясь, тихо спросил: “Где я?” Сопровождающие офицеры переглянулись. Всем стало, мягко выражаясь, как-то не по себе. Одно дело — недостатки и недоделки, которые можно устранить, а другое дело — старшего начальника с ума свести. Это можно расценить как террористический акт. А в военное время за такие дела на месте расстреливают. Командир полка откашлялся и сделал шаг вперёд.

— Товарищ генерал, вы находитесь на территории воинской части...

— Да понятно, — начальник вяло отмахнулся. — Я спрашиваю, где я?

Теперь на попытку разъяснить ситуацию решился начальник штаба.

— Товарищ генерал, в настоящее время воинская часть в составе введенного Вам соединения дислоцируется на территории Северокавказского региона Российской Федерации.

— Да ты чё? — комдив сделал удивлённое лицо. — Я уже понял, что не в Германии. Куда ни сунься, везде бардак. Вы мне лучше объясните, где я?

Вперёд вышел офицер управления дивизии. Наступил его черёд сориентировать “потерявшегося” начальника.

— Товарищ генерал, мы с вами сегодня утром выехали проверять...

Генерал сорвал с головы фуражку и шваркнул ею о плац.

— Что вы все из меня дурака делаете! Я знаю, где я нахожусь. Я спрашиваю, где “Я”? — и он ткнул пальцем прямо перед собой. На противоположном краю плаца здание украшала надпись: “Столовая”, в которой отсутствовала последняя буква.

Все начавшееся когда-то заканчивается. Вот и командир дивизии, садясь в машину, позвал командира полка для напутственного слова. Дивизионного офицера он оставил в роли наблюдателя с поручением тщательной проверки устранения всех выявленных недостатков и последующим немедленным докладом в любое время дня и ночи.

Замы выстроились неподалёку для получения возможных ценных указаний, и к ним, изо всех сил сдерживая улыбку, обратился подполковник-наблюдатель.

— Пользуясь случаем, разрешите довести проект приказа командира дивизии по итогам сегодняшнего дня. Позволю себе сразу приступить к приказной части. Итак, всё командование полка зачислить в категорию “живые трупы” с последующим ежечасным расстрелом через повешение до устранения не только выявленных, но и успешно скрытых недостатков. В противном случае начальника штаба сдать в архив, зампотеха отправить на разукomплектовку, зампотыла утилизировать, а замполита предать анафеме.

Его речь прервал подошедший командир полка.

— Товарищи офицеры, больше говорить ни о чём не буду, ранее уже всё сказано. Помните, что и в мирное время всегда есть место подвигу. Каждому из вас дан шанс: до утра сотворить чудо! Время пошло...